

О. А. Смирнова

Корректировка исторических представлений в СССР на рубеже 1930-1940-х годов как способ духовной консолидации общества в предвоенный период

Статья посвящена проблеме корректировки исторических представлений в СССР в 1930-х – начале 1940-х гг. в условиях нарастания военной угрозы и развернувшихся боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны. Показывается, как изменившееся международное положение привело к реставрации в советской повседневной жизни ряда традиционных устоев и представлений. В числе этих перемен важное место принадлежит изменениям в процессе преподавания истории, как знания, формирующего патриотический тип личности – личности, преданной отчизне и готовой ее защищать. Отмечается, что через познание национального прошлого открываются пути возрождения человека к нравственному сознанию и духовному восхождению.

Ключевые слова: историческая память, СССР, предвоенный период, массовое сознание, курс гражданской истории, патриотизм, советское общество, духовная консолидация.

В 1930-х – начале 1940-х гг. в условиях нарастания военной угрозы в Советском Союзе обнаруживается пристальное внимание власти к проблеме корректировки основ исторических представлений. Согласно постреволюционной трактовке прошлого, выработанной в 1920-е гг., многовековой исторический путь России виделся не процессом становления и развития государственности при ведущей роли правящих династий, как следовало из дореволюционной историографической концепции, а непрерывной классовой борьбой эксплуатируемых за социальную справедливость.

В первом, и до середины 1930-х гг. единственном, советском учебнике истории – «Русская история в самом сжатом очерке» – подчеркивалось: «Во-первых, история движется при помощи борьбы классов, классов угнетенных, эксплуатируемых, крестьян и рабочих, с классами, которые угнетают и эксплуатируют, – помещиками и буржуазией. Во-вторых, эта борьба классов движется материальными интересами, т.е. потребностью человека в пище, одежде, жилище, топливе и т. д. Люди стремятся удовлетворить эти потребности, и нужно стремиться, чтобы эти потребности удовлетворялись возможно справедливее» [15, с. 10]. Основными историческими вехами исторического процесса автор этого обобщающего издания – историк-марксист М. Н. Покровский (1868-1932) – считал следующие события: городские и крестьянские движения в Древней Руси, Московской Руси и императорской России; восстание декабристов; деятельность революционных демократов и революционеров-народников в XIX в.; забастовки рабочих на рубеже XIX-XX столетий; революционные выступления начала XX в. Кульминацией провозглашался 1917 г., отмеченный свержением самодержавия, свершением Октябрьской социалистической революции и утверждением Совет-

ской власти – власти рабочих и крестьян. Октября 1917 г. провозглашался торжеством исторической справедливости.

Оформлению новой общеисторической парадигмы сопутствовало и глобальное реформирование системы школьного образования, связанное с заменой предметной системы изложения материала «комплексной» [20, с. 26]. Новый подход, по словам Покровского, предполагал знакомство с основами естественных наук и одновременно системой гуманитарных знаний. Для этого, подчеркивал он, ученикам сначала следует рассказать о явлениях природы, затем перейти к сельскому хозяйству, подробно характеризуя угнетение крестьянства и его классовую борьбу, а затем дать характеристику промышленности, процесса возникновения капитала и формирования рабочего класса [13; 14]. Такой порядок подачи материала он считал наиболее подходящим для полноценного освоения марксизма, что рассматривалось в качестве главной цели образования. В итоге, в соответствии с решениями первого партийного совещания по вопросам народного образования, состоявшегося в Москве с 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г., преподавание истории в школе было фактически упразднено. История заменялась курсом обществоведения с фрагментарным включением в его состав исторического материала как иллюстративного при изучении формационных схем марксистской теории [3, с. 145].

Безусловно, вся преобразовательная деятельность, касающаяся системы формирования исторических представлений, разворачивалась в соответствии с общемировоззренческими установками революционной эпохи. Наиболее полно они были сформулированы наркомом просвещения А. В. Луначарским. Выступая в сентябре 1918 г. на педагогических курсах в Петрограде, он утверждал: «Прежде всего, далеко не является бесспорным, надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе. Напервый взгляд кажется диким самое сомнение относительно необходимости преподавания истории... Однако... весьма авторитетные и талантливые мыслители выступили против этой идеи. Между ними мы видим Ф. Ницше, который... доказывал, что одной из губительнейших особенностей нашей культуры является ее историчность. Он считал, что современный человек чересчур обременен всякого рода воспоминаниями, связывающими его примерами, традициями, – словом, старое, мертвое захватило живого и не пускает его... Подобный человек так парализован этим сознанием, что не обладает революционной отвагой в деле строительства» [7].

Кроме задач эмансипации от традиции, Луначарский ставил вопрос о необходимости формирования вместо патриотического интернационального, а по сути – космополитического сознания. В частности, он опровергал тезис, выдвинутый в июле 1918 г. делегатами седьмого съезда Всероссийского учительского союза, о необходимости «придать изучению истории национальный характер и воспитывать в учениках “здоровую любовь к родине”». Луначарский заявлял: «Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к родине. Что это значит? <...> Значит ли это, что он (ученик. – О. С.) должен предпочитать свой родной язык другим языкам или нет? А если он не должен предпочитать свое родное, то в чем, собственно, выразится этот национальный взгляд? <...> Нет... нужно воспитание интернациональное, человеческое. Воспитывать нужно человека... для которого каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара и который,

когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это – иррациональное пристрастие, с которым, быть может, не надо бороться, если в нем нет ограниченности, но которое, отнюдь не нужно воспитывать» [7].

Таким образом, в 1920-е гг. на уровне государственной идеологии широкое распространение получил национальный нигилизм, в соответствии с которым понятия «патриотизм», «Отечество», «любовь к Родине» были изъяты из числа базовых мировоззренческих установок, а в педагогической практике патристическое воспитание было вытеснено воспитанием интернациональным. Фактически, проводимая политика стала продолжением пацифистских настроений лидеров большевизма предреволюционной эпохи, а также проявлением твердой уверенности в близости мировой пролетарской революции, когда классовое единение неизбежно приведет к ликвидации национальных границ и позволит «слиться в единую человеческую семью» [7].

Однако в начале 1930-х гг. ситуация на международной арене существенно изменилась. Во-первых, не оправдались надежды на мировую революцию в связи со стабилизацией социально-экономической ситуации в послевоенной Европе, а в итоге СССР оказался вынужденным принять стратегию строительства социализма в отдельно взятой стране без расчета на поддержку международного пролетариата. Во-вторых, появилась реальная угроза развертывания широкомасштабной войны, на что указывали очевидные факты – утверждение фашистских режимов в ряде стран Европы, агрессивная политика Японии, захватившей в 1931 г. территорию северо-восточного Китая, приход к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистов. В-третьих, несмотря на прошедшую «полосу международных признаний», по отношению к СССР сохранялось крайнее недружелюбие со стороны мировых держав – Англии, Франции и США, не проявлявших готовности к заключению взаимовыгодных договоров о сотрудничестве и взаимопомощи.

В этой ситуации стало очевидным, что «революционный романтизм» себя исчерпал. На повестке дня стоял вопрос не мировой революции и ведения войны на чужой территории малыми силами в поддержку европейских пролетариев, а защита собственной территории в случае внешней агрессии. В итоге приходило осознание необходимости существенной корректировки внутривнутриполитического курса на основе возвратной, практически реставрационной, стратегии по отношению к дореволюционной эпохе, в частности, в интерпретации исторического прошлого [2; 9].

Этот поворот начинает обнаруживаться уже с 1930-го г., хотя на массовом уровне еще продолжали действовать прежние идеологические установки. Характерным тому подтверждением служит переписка И. В. Сталина с Д. Бедным. В письме от 12 декабря 1930 г., характеризуя ряд фельетонов писателя, которые были представлены на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б), Сталин указывал, что в них содержится явная клевета на СССР – на его прошлое и на его настоящее. Он писал: «Судите сами... Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся... с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России... прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексе-

евых. А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс... стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву» (пауза. – О.С.), что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата» [17, с. 90]. Далее Сталин подкреплял свои суждения пространной цитатой из работы В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов»: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину... Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что насилия вызывали отпор из нашей Среды, из Среды великороссов, что эта Среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» [17, с. 91].

Так, практически впервые за прошедшее после революции 13-летие, был подвергнут резкой критике один из ярких представителей пролеткульта при одновременной положительной оценке исторического прошлого России. Очевидно, как подчеркивают современные исследователи, Сталин начал готовиться к неизбежной войне и понимал необходимость выработки на уровне массового сознания патриотических настроений при одновременном отказе от ранее пропагандируемого национального индифферентизма [1; 4; 11]. Последовательное продвижение по этому пути начало разворачиваться после XVII съезда ВКП(б) – съезда победителей, прошедшего в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г.

Одним из первых на этот факт обратил внимание религиозный мыслитель и публицист русского зарубежья Г. П. Федоров, который, находясь в вынужденной эмиграции, пристально следил за всем, что происходило в Советской России. В январе 1936 г. он писал: «Вот уже истекает второй год со времени XVII съезда коммунистической партии, начавшего новую полосу русской революции. У нее еще нет имени... но ее черты уже отчетливо прорисовались... <...> Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической. Не будем думать, что это ограничение лишает сталинскую контрреволюцию ее значительности. Весь ужас коммунистического рабства заключается в его “тоталитарности”. Насилие над душой и бытом человека, творившегося в его семье, в его углу, – было мучительнее всякой нищеты и политического бесправия» [20, с. 83].

Федоров подчеркивал, что набирающая силу тенденция выразилась во множестве фактов, связанных с предоставлением ряда новых прав и возможностей на осуществление разнообразных форм жизнедеятельности. В их числе: «Право беспартийного дышать и говорить, не клянясь Марксом, право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и приличную школу, право всех

на «веселую жизнь», на елку и на какой-то минимум обряда – старого обряда, украшавшего жизнь» [20, с. 84]. В ряду реставрационных нововведений он также выделял такие, как: пропаганда порядка, аккуратности, выполнения долга, уважения к старшим; поддержка моногамной семьи, борьба с абортами, с половой распущенностью; возрождение старых порядков в системе образования, связанных с поддержанием дисциплины и экзаменационными испытаниями; пропаганда благородных традиций в искусстве и литературе, когда Пушкин и Толстой становятся воспитателями народа [18, с. 99; 19, с.130-131; 20, с. 94, 95; 21, с.109]. Мыслитель считал, что обретение всего перечисленного чрезвычайно значимо. По его мнению, оно свидетельствует, что в России «в значительной мере реставрировано десятилетие», а это для нее «означает... восстание из мертвых» [20, с. 84; 21, с. 109].

В числе этих перемен Федоров особо выделял целенаправленные усилия по формированию патриотического сознания, пробуждению ранее сдерживаемого, даже удушаемого чувства любви к родине. Он писал: «Красота родины, ее природы, ее язык становятся предметами восторженного поклонения» [18, с. 99]. В перечне методов «освобождения инстинктов всенародного патриотизма» он акцентировал внимание на развернувшемся процессе замены в школьном образовании марксистского обществоведения историей, в трактовке которой объявлена решительная борьба «экономическим схемам» [20, с. 87]. Философ подчеркивал, что советский человек, наконец «перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни». Для него будущее связывается с прошлым и в «удушенную рационализмом, технически ориентированную душу вторгаются явления и образы иного мира, полнозвучного и всечеловечного, со всем богатством этических и даже религиозных эмоций» [21, с. 110].

Г.П. Федорову, действительно, удалось с невероятной точностью, говоря его словами, «угадать общее направление», разворачивающегося обновления в советской общественной жизни, как и отправную веху этого процесса – XVII съезд ВКП (б). Это событие положило начало многим кардинальным переменам в СССР, в частности, касающимся и общей постановки системы исторического образования, служащего важным инструментом в деле формирования мировоззренческой основы патриотизма.

Так, весной 1934 г. во втором номере журнала «Историк-марксист», редакция которого находилась под непосредственным контролем ЦК ВКП (б), говорилось: «Исторические решения XVII съезда партии поставили партию и страну перед громадной важности задачей перестроить всю работу на всех ее участках в соответствии с грандиозными задачами и перспективами, намеченными партийным съездом. На уровень великих задач нашей эпохи, сформулированных съездом и вождем партии т.Сталиным, должна быть поставлена и теоретическая работа в нашей стране. Историческая наука должна стать одним из важнейших и политически наиболее актуальных и активных участков теоретической работы партии» [6, с. 3]. Далее отмечалось: «Пролетарская культура строится путем революционной переработки культуры прошлого. Поэтому гигантские задачи, стоящие перед нами в области культурного строительства, требуют, как никогда раньше, точного знания культуры, созданной развитием всего человечества. Наша наука должна сыграть крупнейшую роль в деле ознакомления и революционной переработки исторического наследия прошлого... Этого мы добьемся

путем широкой пропаганды конкретных исторических знаний, путем всестороннего изучения истории древнего мира, средних веков, новой истории» [6, с. 5]. Затем, после нескольких критических замечаний в адрес научно-исторических организаций по поводу недостаточных темпов в их деятельности, подчеркивалась значимость исторического знания как составной части «всякого марксистского образования», начинающегося уже со школьной скамьи. При этом отмечалось, что его задачей должно стать воспитание из «учащихся не схематиков...бойко, но обще рассуждающих о социально-экономической структуре того или иного общества, а людей, конкретно разбирающихся в данной исторической ситуации, разбирающихся в сложных конкретных переплетах классово-борьбы, умеющих понимать и оценивать события в их исторической перспективе» [6, с. 9].

В январе-марте 1934 г. вопросы, касающиеся преподавания гражданской истории, неоднократно обсуждались на совещаниях в Наркомпросе РСФСР с участием ученых и преподавателей истории. Рассматривался широкий круг проблем, в числе которых были следующие: корректировка учебных планов в сторону увеличения количества часов на изучение истории в средней и высшей школе, написание новых учебников, составление хрестоматий, разработка исторических карт, а также подготовка и переподготовка преподавательских кадров.

В марте 1934 г. намеченные мероприятия получили одобрение на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В апреле при Комакадемии начала работу специальная комиссия по вопросам преподавания истории под председательством профессора А. М. Панкратовой. Тогда же – в апреле 1934 г. – состоялось подписание приказа по Наркомпросу РСФСР «Об открытии исторических факультетов в университетах» в целях подготовки высококвалифицированных специалистов для историко-исследовательской и педагогической работы» [4, С.76].

Итогом проведенной работы стало постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», принятое и опубликованное 15 мая 1934г. В этом документе говорилось: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории... учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». Ставилась задача преподносить учебный материал «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей» [16].

9 июня 1934г. Секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР».Тогда же Наркомпрос РСФСР утвердил состав авторских групп в составе ведущих ученых-специалистов, призванных разработать школьные учебники по всем курсам истории: истории древнего мира, история средних веков,новой истории, истории СССР и новой истории зависимых и колониальных стран. Повышенное внимание руководителей государства и лично Сталина было приковано к написанию учебника по истории СССР, однако проекты, разработанные к июню 1935 г. были подвергнуты жесткой критике и отклонены. 26 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление

«Об учебниках по истории», а 4 марта специально созданная комиссия объявила конкурс наилучший учебник по истории. Победителям и призерам устанавливались крупные денежные премии: 1-я премия – 100 тыс. руб., 2-я – 75, 3-я – 50, 4-я – 25 тыс. руб. Участие в конкурсе мог принять любой желающий, приславший свой проект до 1 июля 1936г.[8].

Всего в комиссию поступило 46 проектов, как от отдельных авторов, так и от авторских групп, которые были проанализированы членами комиссии и привлеченными экспертами. Итоги конкурса были подведены на заседании Политбюро 27августа 1937 г.Первая премияприсуждена не была ни одному из представленных проектов в связи с недостаточной реализацией марксистской методологии. Вторая премия была присуждена учебнику, подготовленному коллективом авторов Московского педагогического института под руководством А. В. Шестакова. Вторым учебником, принятым к публикации, стал проект, выполненный коллективом под руководством А. М. Панкратовой. Этой работе была присуждена поощрительная премия. Будучи опубликованными в 1937 г., они неоднократно переиздавались. Учебник Шестакова издавался 25 раз, а Панкратовой – 22 раза, став фундаментом формирования исторических представлений у нескольких поколений советских граждан.

Длительный процесс разработки учебников создал условия для возвращения в образовательную среду дореволюционных изданий. Уже в 1934 г. Наркомпрос РСФСР рекомендовал учителям использовать учебники С. Ф. Платонова, Н. И. Кареева, К. И. Иванова в качестве пособий, содержащих обширный фактический материал. С этой же целью принимается решение приступить к переизданию ряда капитальных трудов по русской истории, в числе которых был «Курс русской истории» В. О. Ключевского и «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Так, фактически произошла «реабилитация» выдающихся российских историков и их труды стали вновь доступны читателям. Это был беспрецедентный «возвратный» шаг советской власти, по сути допустившей реставрацию дореволюционного видения исторического прошлого, пронизанного чувством глубокой любви к Отечеству, его традиционным устоям и духовным ценностям.

В 1934-1935 гг. разворачивается широкая кампания по пересмотру содержания исторического повествования и корректировки смысловых акцентов. Если еще в 1931г. И.В.Сталин заявлял, что «старую Россию» на протяжении всей ее истории «непрерывно били» (и монгольские ханы, и турецкие беи, и шведские феодалы, и польско-литовские паны), то в 1934 г. те же события рассматривались как самоотверженная борьба народа за национальную независимость. При этом внимание акцентировалось не на поражениях, а на мужестве и стойкости русских людей. В итоге, история становилась чередой трудных, но блестящих побед, как трудовых, так и воинских.

Существенно трансформировался и идеал исторического деятеля. Если в 1920-е гг. ее главным героем был бунтарь, революционер, рабочий на баррикадах, то в 1930–1940-е гг. не менее важными становятся фигуры видных государственных деятелей – Иван Грозный, Дмитрий Пожарский, Петр I, заботившихся о благеотчизны. Была осуждена и практика грубых, высокомерных характеристик, которыми широко пользовались последователи «школы Покровского», упоминая представителей государственной власти дореволюционной эпохи.

Например, Петр Именовался «алкоголиком», Дмитрий Пожарский – «перелётом», не говоря уже об эпитетах, бросавшихся в адрес Екатерины II.

В новой общественно-политической ситуации в учебном процессе значительно место отводилось изучению военной истории России. С одной стороны, пристальное внимание уделялось личностным характеристикам выдающихся полководцев – Александр Невский, Дмитрий Донской, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. С. Нахимов. С другой стороны, подробно анализировались крупнейшие воинские сражения, определившие судьбу страны. В их числе: Невская битва, Ледовое побоище, Куликовская битва, Полтавская битва, Бородинское сражение, оборона Севастополя и др. Во время Великой Отечественной войны внимание сосредоточилось на изучении побед русского воинства над немецкими завоевателями в XIII в., а также победах Красной армии над войсками кайзеровской Германии в 1918 г. Другой важной темой стали события Отечественной войны 1812 г., в частности, развернувшегося в то время партизанского движения [1; 11].

Однако корректировка исторических представлений осуществлялась не только через систему образования, но с использованием других методов информационного воздействия, в ряду которых были литература, киноискусство, радиопередачи, периодическая печать, монументальная пропаганда, музейное дело, мемориально-праздничная традиция.

В ряду вспомогательных средств формирования исторического сознания одно из центральных мест принадлежит художественной литературе и ее жанру – историческому роману. 1930-е – начало 1940-х гг. являются ярким тому подтверждением. Публиковавшиеся тогда произведения стали важнейшим каналом популяризации истории с четко заданных идеологических позиций. Главной темой стала тема «государственности», где ведущее положение занимает правитель-созидатель, беззаветно преданный отчизне. Не менее значимой являются и произведения, посвященные воинской доблести защитников Отечества. В числе известных и широко востребованных следующие исторические романы: А. С. Новиков-Прибой «Цусима» (1932-1934), В. Я. Шишков «Емельян Пугачев» (1933), А. Н. Толстой «Петр Первый» (1934), А. Н. Степанов «Порт-Артур» (1938), С. Н. Сергеев-Ценский «Севастопольская страда» (1939), В. Г. Ян «Чингис-хан» (1939), С. П. Бородин «Дмитрий Донской» (1941), В. Г. Ян «Батый» (1942), В. И. Костылев «Иван Грозный» (1943) и др. Практически все из перечисленных романов были удостоены в конце 1930-х – начале 1940-гг. Государственной (Сталинской) премии, что подтверждало признание значимости их идейного воздействия на общество.

Вторым мощным средством воздействия на массовое сознание является, конечно же, киноискусство. Хотя по охвату аудитории и степени востребованности в обществе того времени, оно вполне может соперничать с литературой. В 1930-х – начале 1940-х гг. снимается несколько грандиозных исторических киноэпопей, которые на многие десятилетия сформировали представления, как об отдельных исторических личностях, так и целых исторических эпохах. В первую очередь речь идет о кинокартинах, снятых С. Эйзенштейном – «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940); «Иван Грозный» (1944). Не менее значимым является и кинофильм В. Петрова «Петр Первый» (1937-1938). На экране предстают сильные, благородные, порой трагические исторические личности, отдающие все силы на благо Отечества, родной земли, душой болеющие за единство и безопасность государства.

Перечисленные и многие другие средства воздействия на массовое сознание были призваны сформировать в советском обществе в 1930-е – начале 1940-х гг. качественно новые представления об историческом прошлом. В условиях нарастающей военной угрозы, а затем и разразившейся второй мировой и Великой Отечественной войн оказалось крайне важным качеством личности любовь к родине и готовность ее защищать по примеру своих предков.

Революционная власть, следовавшая в постреволюционный период дорогой разрушения традиций, уничтожения вековых национальных устоев, осознав реальность военной угрозы, осуществила корректировку основных векторов внутренней политики. Руководствуясь принципом политического прагматизма, преследуя задачу формирования патриотического типа личности, она допустила ростки традиционализма в советское социальное пространство. Этот мир, – по словам Г. П. Федорова – оказался уже не под запретом: «Вечное заглядывает в глаза, через прошлое стучится в настоящее» [21, с. 110]. Действительно, даже при сохранении доминирующего положения марксистской риторики, прорывавшаяся к жизни традиция, в частности, через познание национального прошлого, запустила подспудную работу возрождения человека к нравственному сознанию и духовному восхождению.

Литература

1. Гордина, Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой отечественной войны [Текст] / Е. Д. Гордина // Преподавание истории в школе. – 2010. – № 3. – С. 9–13.
2. Гордина, Е. Д. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук [Текст] / Е. Д. Гордина. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2012. – 45 с.
3. Гришаев, О. В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 – начале 1930-х годов [Текст] / О. В. Гришаев // Научные ведомости белгородского государственного университета. – 2014. – № 15 (186). – Вып. 31. – С. 144–151.
4. Гришаев, О. В. Об изменениях в преподавании отечественной истории середины – второй половины 1930-х гг. / О. В. Гришаев [Текст] // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 2 (30). С. 74–81.
5. И. В. Сталин Историческая идеология в СССР в 1920–1950 годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и Материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы / сост. М. В. Зеленов. – СПб.: Наука-Питер, 2006. – 496 с.
6. Историческую науку – на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП (б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 3–10.
7. Луначарский, А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. – Пг., – 1918, – 20 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su> (дата обращения 18.10.2019).
8. Как в 1930-е годы писали и утверждали учебник по истории [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. – 2016. – 1 сентября. – URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения 18.10.2019).
9. Михайлова, В. Встреча иерархов со Сталиным в Кремле: беседа с профессором Московской духовной академии А. К. Светозарским [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/> (Дата обращения: 28.09.2019).
10. О преподавании гражданской истории в школах СССР [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/40824> (дата обращения 28.10.2019).

11. Огановская, И. С. Перестройка исторического образования и обновление содержания школьных учебников истории СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / И. С. Огановская // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятое уральские военно-исторические чтения. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – С. 259–267.

12. Пепелина, Н. И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школьным учебником отечественной истории [Текст] / Н. И. Пепелина // Вестник московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – 2013. – № 2. – С. 19–52.

13. Покровский, М. Н. Историзм и современность в программах школ II ступени [Текст] / М. Н. Покровский; Центр.пед. лаборатория Соцвоса МОНО. Кабинет обществоведения. – М.: Новая Москва, 1927. – 22 с.

14. Покровский, М. Н. Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени: Доклад на Съезде центр.и местных ОПУ и представителей метод. бюро Губоно 28 мая 1924 г.[Текст] / М. Н. Покровский. – М.; Работник просвещения, 1924. – 24 с.

15. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия) [Текст] / М. Н. Покровский. 6-е стереотипное издание. В 3 ч. – М., - Л.: Государственное издательство, 1928. – 266 с.

16. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (дата обращения 12.10.2019).

17. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Составитель Д.Л.Бабиченко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 319 с.

18. Федотов, Г. П. Культурные сдвиги [Текст]/ Г. П. Федотов //Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 98-102.

19. Федотов, Г. П. Пушкин и освобождение России[Текст] / Г. П. Федотов //Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 84-97.

20. Федотов, Г. П. Сталинокрапия[Текст] / Г. П. Федотов //Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 84-97.

21. Федотов, Г. П. Тяжба о России[Текст] / Г. П. Федотов //Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 103-121.

22. Шулепникова, Е. И. Почему в 1920-е годы в школах не преподавали историю [Текст] / Е.И.Шулепникова // Преподаваниеисториившколе. – 2014. – №5. – С. 26–29.

O. A. Smirnova

Correction of Historical Representations in the USSR at the Turn 1930s-1940s as a Way of Spiritual Consolidation of Societies in the Prewar Period

The article is devoted to the problem of correction of historical representations in the USSR in the 1930s-early 1940s – in the conditions of increasing military threat and unfolding hostilities on the fronts of the Great Patriotic War. It is shown how the changed international situation led to the restoration of a number of traditional foundations and ideas in Soviet everyday life. Among these changes, an important place belongs to changes in the process of teaching history as knowledge that forms a Patriotic type of personality – a personality devoted to the Motherland and ready to defend it. It is noted that through the knowledge of the national past, the ways of human revival to moral consciousness and spiritual ascent are opened.

Keywords: historical memory, USSR, pre-war period, mass consciousness, civil history course, patriotism, Soviet society, spiritual consolidation.

References

1. Gordina E.D. Istoriia kak instrument patrioticheskogo vospitaniia v SSSR nakanune i v nachale Velikoi otechestvennoi voiny [History as an instrument of Patriotic education in the USSR on the eve and at the beginning of the great Patriotic war]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history in school]. 2010, vol. 3, pp. 9-13.
2. Gordina E.D. Rol' istoricheskogo romana sovetskikh pisatelei v utverzhenii v massovom soznanii ofitsial'noi kontseptsii otechestvennoi istorii v 1930-e – pervoi polovine 1940-kh godov [The role of the historical novel of Soviet writers in the approval in the mass consciousness of the official concept of national history in the 1930s – the first half of the 1940s]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Nizhnii Novgorod, 2012. – 45 p.
3. Grishaev O. V. Istoricheskoe obrazovanie i istoricheskaiia nauka v SSSR v kontse 1920 – nachale 1930-kh godov [Historical education and historical science in the USSR in the late 1920s-early 1930s]. *Nauchnye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Belgorod state University]. 2014, No.15 (186), vol. 31, pp. 144-151.
4. Grishaev O.V. Ob izmeneniiakh v prepodavanii otechestvennoi istorii sereдины – vtoroi poloviny 1930-kh gg. [On changes in the teaching of national history in the mid-second half of the 1930s]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Volga Scientific Bulletin]. 2014, No. 2 (30), pp. 74-81.
5. Stalin I. V. Istoricheskaiia ideologiia v SSSR v 1920-1950 gody: Perepiska s istorikami, stat'i i zametki po istorii, stenogrammy vystuplenii. Sbornik dokumentov i Materialov. Ch. 1. 1920-1930-e gody [Historical ideology in the USSR in 1920-1950: Correspondence with historians, articles and notes on history, transcripts of speeches. Collection of documents and Materials. Part 1. 1920-1930-ies]. SPb, 2006. – 496 p.
6. Istoricheskuiu nauku – na uroven' velikikh zadach (Itogi XVII svezda VKP (b) i zadachi bol'shevistskikh istorikov) [Historical science - at the level of the great tasks (the Results of the XVII Congress of the CPSU (b) and the tasks of the Bolshevik historians)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist]. 1934, No. 2 (36), pp. 3-10.
7. Lunacharskii A. V. O prepodavanii istorii v kommunisticheskoi shkole [On the teaching of history in the Communist school]. Petrograd, 1918, – 20 p. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su> (accessed 18.10.2019).
8. Kak v 1930-e gody pisali i utverzhдали uchebnik po istorii [As in the 1930s wrote and approved the textbook on history]. Available at: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (accessed 18.10.2019).
9. Mikhailova, V. Vstrecha ierarkhov so Stalinym v Kremlе: beseda s professorom Moskovskoi dukhovnoi akademii A. K. Svetozarskim [Meeting of hierarchs with Stalin in the Kremlin: conversation with Professor of the Moscow theological Academy A. K. Svetozarsky]. Available at: <https://pravoslavie.ru/> (accessed: 28.09.2019).
10. O prepodavanii grazhdanskoi istorii v shkolakh SSSR [On teaching civil history in schools of the USSR]. Available at: <http://istmat.info/node/40824> (accessed 28.10.2019).
11. Oganovskaia I.S. Perestroika istoricheskogo obrazovaniia i obnovenie sodержaniia shkol'nykh uchebnikov istorii SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Perestroika historical education and updating the content of school textbooks of the history of the USSR during the great Patriotic war]. *70-letie Velikoi Pobedy: istoricheskii opyt i problemy sovremennosti. Deviatye ural'skie voenno-istoricheskie chteniia. Sbornik nauchnykh statei* [70th anniversary of the great Victory: historical experience and problems of our time. The ninth of the Ural military-historical readings. Collection of scientific articles]. Ekaterinburg, 2015, pp. 259-267.
12. Pepelina N.I. Iz istorii narodnogo obrazovaniia v SSSR v 1930-kh godakh: rabota nad shkol'nyim uchebnikom otechestvennoi istorii [From the history of public education in the USSR in the 1930s: work on a school textbook of national history]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova* [Bulletin of the Moscow state humanitarian University n.a. M. A. Sholokhov]. 2013, No. 2, pp. 19-52.
13. Pokrovskii, M. N. Istorizm i sovremennost' v programmakh shkol II stupeni [Historicism and modernity in the programs of schools of the II stage]. Moscow, 1927, 22 p.

14. Pokrovskii M. N. Marksizm v programmakh trudovoi shkoly I i II stupeni: Doklad na S»ezde tsentr.i mestnykh OPU i predstavitelei metod. biuro Gubono 28 maia 1924 g.[Marxism in the programs of the labor school of the I and II stages: Report at the Congress central and local OPU and representatives of Bureau Gubono, 28 May 1924]. Moscow, 1924, 24 p.

15. Pokrovskii M. N. Russkaia istoriia v samom szhatom ocherke (ot drevneishikh vremen do kontsa XIXstoletii) [Russian history in the most concise essay (from ancient times to the end of the XIX century)]. Moscow – Leningrad, 1928, 266 p.

16. Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP (b) ot 15 maia 1934 g. «O prepodavanii grazhdanskoi istorii v shkolakh SSSR» [The SNK and the CPSU (b) on May 15, 1934 “On teaching of civic history in the schools of the USSR”]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (accessed 12.10.2019).

17. «Schast’e literatury». Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg. Dokumenty [«The happiness of literature.» State and writers.1925-1938. Documents]. Moscow, 1997, 319 p.

18. Fedotov G. P. Kul’turnye sdvigi [Cultural shifts]. Fedotov, G. P. Sud’ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat’i po filosofii russkoi istorii i kul’tury: v 2 t. [Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 vols.]. Sankt-Peterburg, 1992, vol. 2, pp. 98-102.

19. Fedotov G. P. Pushkin i osvobozhdenie Rossii [Pushkin and the liberation of Russia]. Sud’ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat’i po filosofii russkoi istorii i kul’tury: v 2 t. [Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 vols.]. Sankt-Peterburg, 1992, vol. 2, pp. 84-97.

20. Fedotov G. P. Stalinokratiiia [Stalinocracy]. Sud’ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat’i po filosofii russkoi istorii i kul’tury: v 2 t. [Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 vols.]. Sankt-Peterburg, 1992, vol. 2, pp. 84-97.

21. Fedotov G. P. Tiazhba o Rossii[The Trial of Russia]. Sud’ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat’i po filosofii russkoi istorii i kul’tury: v 2 t. [Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 vols.]. Sankt-Peterburg, 1992, vol. 2, pp. 103-121.

22. Shchulepnikova E. I. Pochemu v 1920-e gody v shkolakh ne prepodavali istoriiu [Why in the 1920s in schools did not teach history]. Prepodavanieistorii vshkole[Teaching history at school]. 2014, No.5, pp. 26-29.